

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 13

**Санкт-Петербург
2013**

Т.В. Кудрявцева

«Казус Фукидида»: магия и риторика в античном судебном процессе

Топосом многих историко-социологических и культурологических рассуждений на тему античной цивилизации является констатация того, что античное общество было по преимуществу культурой устного, а не письменного слова, письменный текст занимал явно второе, подчиненное первому место¹. Как известно, любой текст – и в Греции, и в Риме – был предназначен, прежде всего, для произнесения. В тех случаях, когда в других обществах предпочтение отдавалось письменному слову перед устным, греки и римляне, наоборот, предпочитали устное слово: они часто диктовали письма вместо того, чтобы писать их самим; они слушали, как читают книги вслух рабы, или читали вслух сами; они посещали лекции, рецитации, декламации и т.п. Неслучайно именно античность породила саму науку красноречия – риторику, и именно в классической Греции, а затем и в Риме отмечен был её небывалый теоретический и практический расцвет. Риторика – это не только «научное» красноречие: на практике – это искусство убеждения не с помощью правды, разумных доводов или ссылок на авторитеты (или не только с их помощью), а с помощью определенного набора психологически действенных приемов и трюков², вызывающих не к ratio, а к эмоциям, воздействующих на глубинное подсознание.

Эта иррациональная составляющая риторики побуждает к сравнению с магией, магическим воздействием. И риторику, и магию отличает нацеленность на убеждение – если угодно, принуждение, на подчинение чужой или даже враждебной воле ради достижения определенной цели. Риторика – ис-

¹ Среди отечественных исследователей отметим: *Гаспаров М.Л.* Цицерон и античная риторика // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Под редакцией М.Л. Гаспарова. М., 1972. С. 7-8. На эту особенность античного общества, обращают внимание и авторы последних работ, посвященных античной грамотности: *Harris W.V.* Ancient Literacy. Cambridge, Mass.; L., 1991. P. 36, 38; *Thomas R.* Literacy and Orality in Ancient Greece. Cambridge, 1999. P. 2 et passim.

² См.: *Munz P.* The Rhetoric of Rhetoric // Journal of the History of Ideas. Vol. 51, No. 1 (Jan. - Mar., 1990). P. 121

кусство убеждения и влияния³, достигаемое с помощью языка/речи, языка тела (поза, жесты, мимика) и мелодики (интонация, ритм и т.п.). Магия – другой способ убеждения и подчинения, достигаемый, как и риторика, без непосредственного физического контакта (допускается опосредованное воздействие). Слово – «строительный камень» для риторики, но и магическое заклятие состоит из слов, с помощью которых накладываются чары, осуществляется воздействие на (или против) объекта заклятия. Другими словами, у магии и риторики общее – «narrative power»⁴, т.е. та сила/власть, которая присуща нарративу, «story», у магии к тому же помещенного в особый ритуальный контекст. Также отметим, что и речь оратора, и магическое заклятие должны быть «сделаны», «исполнены», т.е. это своеобразный спектакль, представление – то, что в социолингвистике включает в себя понятие «перформатив»⁵.

Роднит риторическое и магическое воздействие не только их «перформативность». Для греков была характерна вера в магическую силу слова, в его воздействие на слушателя сродни заклятию⁶, что порой приводило к стиранию грани между риторикой и магией, точнее к перетеканию одного в другое; это мы наблюдаем и там, где, казалось бы, риторика являлась полной и неоспоримой госпожей – на судебной беме. На примере нескольких античных судебных процессов мы проследим то, как по мнению участников и/или зрителей тяжбы, магия вторгается в «пространство» риторики, и магическая власть слова из метафоры становится реальностью.

Афинские суды были той «опытной площадкой», где отрабатывались всевозможные риторические приемы. Необходимо было убедить в своей правоте дикастов (судей), пробуждая определенные эмоции – нередко во-

³ См. интересные рассуждения о языке и «риторичности» как о способе влиять на чужую волю и действия, базирующиеся на анализе высказываний Горгия и других софистов, в: *López Eire A. Rhetoric and Language // A Companion to Greek Rhetoric / Ed. I. Worthington. Oxf., 2007. P. 336-339.*

⁴ Так это называется в социолингвистике, занимающейся изучением речевой деятельности, речевых актов.

⁵ Разумеется, «перформативами» являются не все риторические или магические высказывания и не только они. «Перформативное предложение (употребление)» – ни истинно, ни ложно, не служит для передачи информации, а означает совершение действия, исполнение некоего акта (speech-act). См.: *Austin J.L. How to Do Things With Words. Cambridge, Mass., 1962. P. 1-164; Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // Избранное / Пер. с англ. Макеевой Л.Б., Руднева В.П. М., 1999. С. 15-138.*

⁶ См. об этом, например: *Romilly J. Magic and Rhetoric in Ancient Greece. Cambridge, Mass., 1975; Lloyd G.E.R. Magic, Reason and Experience in the Origins and Development of Greek Science. Cambridge, 1979. P. 10-58.* Из античных авторов чаще всего приводят рассуждения на эту тему у Горгия в «Похвале Елене» (82 DK (Gorgias), Fr. 11).

преки здравому смыслу, безотносительно действительной или мнимой вины участника тяжбы. И здесь, судя по нашим источникам, на помощь риторике приходила магия – в том смысле, что некоторые участники судебного процесса прибегали к магическим практикам. Результатом являлись особые судебные проклятия или заклятия, представляющие собою обращения к хтоническим божествам, обычно на свинцовых табличках (*tabellae defixionum*), с просьбой оказать воздействие на противника по процессу и его помощников, свидетелей, родственников и т.д. Чаше всего просили связать язык и речь, ум, душу, но в «расширенном» списке фигурировали и другие части и члены тела. Такая табличка со связующим проклятием (греч. *κατάδεσμος*, лат. *defixio*) заготавливалась заранее – собственными усилиями или с помощью «специалистов»-профессионалов⁷. О наличии рекламы соответствующих услуг по составлению заклятий и наведению порчи и их востребованности в Афинах свидетельствуют слова Платона в «Государстве»: он пишет о прорицателях-шарлатанах (*ἀγύρται δὲ καὶ μάντιες*), пытающихся обзавестись богатыми заказчиками (Rep., 364b-c). «Если же кто захочет причинить вред к.-л. врагу (*ἐάν τις ἐχθρὸν πημῆναι ἐθέλη*), то ... – по их уверению, при малых издержках он ему навредит с помощью неких заклинаний и связующих проклятий (*ἐπαυγαῖς τισιν καὶ καταδέσμοις*), которыми они склоняют богов себе служить». «Вредить врагу» можно было в судах – и такая необходимость неизбежно должна была периодически возникать, так что эти заклинания и связующие проклятия с большой долей вероятности могли использоваться тяжущимися не только на стадии подготовки процесса, когда изготавливалась табличка с проклятием, но и непосредственно во время судебного заседания.

В афинском судебном процессе очень многое зависело от убедительности речи, произносимой перед дикастами, и мастерства её исполнения, так что магическое связывание и выведение из строя всех органов, отвечающих за речевую деятельность, было оружием мощным и эффективным. У нас есть одно любопытное свидетельство того, что внезапный ступор или косноязычие, постигшее тяжущегося во время выступления, афиняне готовы были объяснить магическим вмешательством. Это то, что мы назвали условно «казусом Фукидида». Известен он нам благодаря комментарию схолиаста к одному месту в «Осах» Аристофана. Во время «собачьего процесса» Бделиклеон, дабы объяснить, почему подсудимый – пес Лабет – не хочет или не может говорить в свою защиту и ему приходится делать это за него, поясняет, что с псом случилось то же, что с Фукидидом,

⁷ Подробнее о табличках, связующих проклятиях, с примерами – см. нашу статью: *Кудрявцева Т.В.* Судебная магия в классической Греции // Вестник РГГУ. 2010. № 10(53). С. 33-51. 31-63.

когда у того в суде отнялись вдруг челюсти (ἀπόπληκτος ἐξ αἴφνης ἐγένετο τὰς γνάθους – *Vesp.*, 946-948). Схолиаст в своих комментариях, во-первых, поясняет, что имеется в виду известный политик Фукидид, а во-вторых, высказывает предположение, что язык бедолаги был связан: «Фукидид, сын Мелесия, противник Перикла... превосходный оратор, будучи обвиненным в суде, не смог себя защищать, как словно бы у него был связан язык (ἀλλ' ὥσπερ ἐγκατεχομένην ἔσχε τὴν γλῶτταν), и таким образом он был осужден (καὶ οὕτω(ς) κατεδικάσθη), а после подвергнут остракизму».

Этот комментарий схолиаста вызывает ряд вопросов. Если с идентификацией Фукидида из комедии с Фукидидом-политиком все согласны, то с датировкой процесса не всё так просто. Если верить схолиасту, осуждение Фукидида привело к остракизму, и таким образом, процесс, о котором вспоминает Аристофан, произошел до 443 г. до н.э. (изгнание политика), однако некоторые современные исследователи полагают, что процесс случился после возвращения Фукидида из ссылки (т.е. не ранее 433 г.), а схолиаст просто смешал эти события, сделав остракизм следствием процесса⁸. Действительно, судя по другому аристофановскому отрывку – из «Ахарнян» – Фукидид в момент обвинения был уже в преклонных годах⁹, а не во цвете лет и не на пике активности, как если бы он был обвинен в середине 40-х гг. Хор в «Ахарнянах» в парабасе жалуется на то, что стариков отдают под суд на потеху болтунам, мальчишкам-риторам (Acharn., 680 – ὑπὸ νεανίσκων ἔατε καταγελάσθαι ῥητόρων): «А мальчишка-обвинитель, подобрав себе друзей, / Быстро ранит нас речами, душит в петлях острых слов, / Хлещет градом из вопросов, ставит всюду западни / И беззубого Тифона колет, рубит, режет, бьет» (684-688 – перевод здесь и далее Адриана Пиотровского). В качестве примера хор далее (antepirrhema) приводит обвинение, выдвинутое юными демагогами Евафлом и Кефисодемом против почтенного Фукидида (702-716), и высказывает пожелание, чтобы в будущем «обвиняли и карали бы в судах стариков – седые старцы, молодого – молодежь» (717-718). И – душераздирающее: «Разве дело, чтоб погибнул старый, дряхлый Фукидид / В схватке с эти подлым трусом, с этим скифским пустырем, / Отпрыском Кефисодема, крючкотвором, болтуном. / Кровью сердце обливалось,

⁸ Среди тех, кто считает верной позднюю датировку процесса Фукидида: *MacDowell D.M. Aristophanes Wasps*. Oxf., 1971. P. 171; *Faraone C. An Accusation of Magic in Classical Athens (Ar. Wasps 946-948)* // *TAPhA*. Vol. 119. 1989. P. 150; *Borthwick E.K. Aristophanes and the Trial of Thucydides Son of Melesias ("Acharnians" 717)* // *Phoenix*. Vol. 54. 2000. P. 209.

⁹ По подсчетам Уэйда-Джери, Фукидид родился около 500 г., т.е. во время постановки «Ахарнян» ему было ок. 75 лет (*Wade-Gery H.T. Thucydides Son of Melesias* // *JHS*. Vol. 52. P. 209). Кирхнер полагает, что Фукидид родился ок. 460 г.: *Kirchner J. Prosopographia Attica*. B., 1901. Vol. I. S. 472.

горько, горько я роптал, / Глядя, как седого старца скиф-наемник тащит в суд» (703-709).

В этом пассаже явно делается акцент на молодость обвинителей в сравнении с почтенными годами обвиняемого. В подчеркивании юных лет доносчиков и сетованиях на старость обвиняемого можно усмотреть не столько конфликт поколений, сколько противопоставление моральных ценностей: отвага «марафонских бойцов» vs новомодной риторики, куда относится умелое, но скользкое ведение дела в суде¹⁰. Во «Всадниках» в пародийном описании софистических премудростей судебной риторики мастерство одного из таких новоявленных ораторов – Феака – представлено следующим образом: «Искусен, смел в суждениях силлогических, отличен риторически, типически, критически остер и полемически» (Eq., 1376-1380).

Итак, скорее всего, тот процесс Фукидида, о котором Аристофан вспоминает в «Ахарнянах», а затем в «Осах», случился незадолго до создания Ахарнян» (425 г. до н.э.). Описание «атаки» на Фукидида в «Ахарнянах», явно сочувственное по отношению к престарелому политику, производит впечатление написанного «по свежим следам» – не исключено, что Аристофан был свидетелем произошедшего, присутствовал на процессе в гелиэе¹¹. В чем именно был обвинен Фукидид, неизвестно: возможно, в каких-то финансовых нарушениях¹², злоупотреблениях, растрате – т.е. против него было выдвинуто обвинение, схожее с тем, которое фигурирует на пародийном «собачьем процессе» в «Осах».

Другое дело, что версия ряда ученых о двух процессах Фукидида, один из которых был до, а другой после остракизма политика, имеет право на существование. Её обосновал Г. Т. Уэйд-Джери¹³. Ссылаясь на анонимную «Жизнь Фукидида» (Anon. vita Thuc. 6-7), английский историк полагает, что первый процесс был еще до изгнания (в 444 г. до н.э.): когда Фукидид вернулся в Афины из Фурий (в биографии – из Сибариса), он был обвинен Ксенокритом (одним из основателей Фурий – Diod. XII. 10), бежал, а позже был подвергнут остракизму; второй процесс случился уже после возвращения, в 426 г. (?), когда Фукидид был обвинен Кефисодемом¹⁴. Анонимный автор «Жизни Фукидида» – источник ненадежный, прежде всего, из-за своей главной путаницы (он соединил/перепутал двух Фукидидов – политика и историка), но весьма при-

¹⁰ Christ M.R. The Litigious Athenian. Baltimore; L., 1998 P. 110.

¹¹ Такое предположение высказывает: Borthwick E.K. Aristophanes and the Trial of Thucydides... P. 204.

¹² См.: MacDowell D.M. Aristophanes Wasps. P. 171 (после того, как он «held some office»).

¹³ О двух процессах писали и ранее: Kirchner J. Prosopographia Attica. Vol. I. S. 471 (там же – ссылки).

¹⁴ Wade-Gery H.T. Thucydides Son of Melesias. P. 221-222, 227.

мечательны подробности, сообщаемые им об обвинении Фукидида, хотя последовательность: бегство Фукидида, напоминающее бегство Фемистокла, и последующий остракизм (in absentia?) – выглядит подозрительной. Не исключено, что Аристофан в эпизоде из «Ос» сознательно «обыграл» оба процесса: ведь пес Лабет, олицетворяющий стратега Лахета, «кусицилил» сыр – стратег обвинялся в финансовых нарушениях во время своей миссии в Сицилии¹⁵, что могло навеять воспоминание об аналогичном обвинении против Фукидида, вернувшегося с юга Италии. Эта параллель тем более могла прийти на ум комедиографу, что недавно сикофанты из ретивой молодежи, стремясь набрать политические очки, вновь потащили престарелого ветерана политических баталий в суд, тогда и случился известный казус, когда Фукидид на какое-то время лишился дара речи и не смог ответить своим обвинителям. Наше предположение объясняет и путаницу в схолиях к «Осам» Аристофана: когда, рассказав о внезапно случившейся немоте Фукидида в момент суда и его осуждении, схолиаст вдруг говорит о последующем остракизме политика.

Именно язык был главной мишенью связующего судебного проклятия, а глагол *κατέχω*, который употребляет схолиаст, – фактически *terminus technicus* для связующего проклятия (второй по частоте употребления после *καταδέω*) и характерен он как раз для аттической черной магии классической эпохи¹⁶. Это обстоятельство позволило некоторым исследователям высказать мнение о том, что источником схолиаста послужил здесь обладающий соответствующими познаниями в технике ворожбы аттидограф IV в. до н.э.¹⁷

Обратим внимание и на следующий момент: фактически Аристофан дает нам две версии того, что произошло с Фукидидом на процессе. Одна (в «Ахарнях») – объясняет растерянность подсудимого и утрату им речи наглостью и напором обвинителей, а другая (в «Осах») – действием магических чар. Первая версия, судя по всему, была уделом просвещенной элиты – интеллектуалов и профессиональных мастеров слова, скептически относившихся к магии и суевериям. Вспомним, как пренебрежительно отзывался Платон о настырных голодранцах – продавцах магических услуг. Не случайно афинские ораторы ничего не говорят о судебной магии в дошедших до нас речах, несмотря на её несомненную популярность среди значительной части афинского общества (если судить по находкам табличек с проклятиями). «Магическое» же объяснение немоты Фукидида, вероятно, находило отклик у менее

¹⁵ Растрата или присвоение денег, собранных на проведение операции в Сицилии (Leeuwen J van. Prolegomena / Aristophanis Vespae / Cum proleg. et comm. J. van Leeuwen. Lugduni, 1893. P. XXXV.)

¹⁶ См. об этом глаголе: Wunsch R. (ed.) Defixionum Tabellae [=IG III³ Appendix]. Berlin, 1897. P. III; Faraone C. An Accusation of Magic in Classical Athens... P. 158, n. 27.

¹⁷ Jacoby F. Commentary: Philoch., FgrHist., 324 F 59; Faraone C. Ibid.

взыскательной публики, простого афинского обывателя, потенциального клиента чародеев, знахарок и пророков.

Иных примеров для классических Афин предполагаемого магического воздействия на участника тяжбы непосредственно в суде мы не знаем. Правда, лексикографы упоминают о неких чарах в связи с процессом по исангелии Пифея, логографом обвинителя был тогда оратор Динарх. Однако, в пояснениях к слову «быть связанным» (καταδεδέσθαι) (его использовал в речи против Пифея Динарх) у Гарпократиона и у Свида речь идет о применении не связующего проклятия, а неких снадобий или приворотного зелья (φαρμάκος)¹⁸. По какому поводу Динарх заговорил о ворожбе и зельях, из скудного контекста понять невозможно. Другие отрывки из этой речи (Din. VI, fr. 1, 3, 6) указывают на то, что обвинение против Пифея связано было с деятельностью торгового порта (эмпория)¹⁹.

Но всё же «казус Фукидида» – внезапная немота одного из участников процесса, приписываемая действию магических чар, – наблюдался не единожды и не только в стенах афинской гелиэи; о похожих случаях и соответствующей интерпретации свидетельствуют источники эллинистического и римского времени.

В надписи III в. до н.э. с Делоса повествуется в эпическом стиле, как на острове был основан культ Сераписа. Перед нами – не что иное, как ареталогия, повествующая о чуде, совершенном божеством: Серапис помог своим жрецам, вмешался в ход судебного процесса и наслал немоту и оцепенение на тяжущихся, осмелившихся выступить против строительства храма (IG, XI, 4, 1299, 85-90): «Ты связал нечестивцев, которые готовили тяжбу, тайно сделав язык онемевшим во ртах (φῶτας γὰρ ἀλιτρο<νό>ους ἐπέδησας οἱ ῥάδικην πόρσυνον, ἐνὶ γυαθμοῖς ὑπανύσσας γλώσσαν ἀναύδητον...); в результате они стали подобны пораженным богами изваяниям или камням (...θεοπληγέσιν εὐκότας εἰδῶλοισιν ἔμμεναι ἢ λάεσσιν). Фактически здесь описывается, как Серапис наложил на языки злопыхателей связующее судебное проклятие; даже глагол употреблен соответствующий – ἐπιδέω²⁰.

¹⁸ Harp.: ἀντὶ τοῦ πεφαρμακεῦσθαι καὶ δεδέσθαι φαρμάκος. Δείναρχος ἐν τῇ κατὰ Πυθέου εἰσαγγελίᾳ. У Свида – тот же текст, за исключением ед. ч. φαρμάκῳ. И.В. Помяловский предположил, что значение глагола καταδεδέσθαι здесь равносильно нашему «приворожил» (Помяловский И.В. Эпиграфические этюды. СПб., 1873. С. 44).

¹⁹ Эта речь Динарха датируется периодом между 336 – 324 гг. до н.э – см.: Hansen M.H. Eisangelia. The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians // OUCS. Vol. 5. 1975. P. 105 (каталог, № 116).

²⁰ См. об этой надписи, поэме и использовании Сераписом связующего проклятия: Engelmann H. The Delian Aretalogy of Serapis. Leiden, 1975. P. 53-54; Faraone C. The Agonistic Context. P. 19-20, n. 86.

«Казус Фукидида» известен и из римской практики. В трактате «Брут» Цицерон вспоминает один случай, когда он и Гай Скрибоний Курион Старший (консул 76 г. до н.э.) были соперниками в суде²¹, и говорит: «На частном, но важном процессе, когда я заканчивал речь за Титинию, жену Котты, а он выступал против меня за Сервия Невия [Невий и Курион обвиняли Титинию – Т.К.], он вдруг забыл все дело (*subito totam causam oblitus est*) и стал говорить, что это случилось из-за колдовских снадобий и заклинаний Титинии» (*idque veneficiis et cantionibus Titinae factum esse dicebat*) (217)²². О деле Титинии, о времени процесса²³, о сути обвинения более нам ничего неизвестно; к магии оно, скорее всего, никакого отношения не имело. Что касается вида процесса, то и слова Цицерона, и судебная практика указывают на гражданский процесс – *iudicium privatum*, а не *iudicium publicum* (хотя Цицерон и подчеркивает важность этого дела): женщины вообще крайне редко привлекались к уголовному суду в постоянной комиссии (*quaestio perpetua*), за исключением, быть может, обвиненных по Корнелиеву закону об убийцах и отравителях (*lex Cornelia de sicariis et veneficis*).

Видимо, забывчивость Куриона была притчей во языцах – о чем Цицерон язвительно рассуждает в этом же пассаже из «Брута» (217): «Памяти Курион настолько был лишен, что не раз, когда объявлял три [части речи], или четвертую добавлял, или третью терял»²⁴. Кстати, в другом своем диалоге («Оратор») Цицерон объясняет случившийся тогда с Курионом казус своим ораторским напором и пылом, приводя примеры с потерей дара речи у своих противника: Курион оказывается во впечатляющей компании с адвокатом Гортензией (знаменитый процесс Верреса) и Катилиной. «Я, – пишет Цицерон, – используя всегда мощный натиск (*magno semper usi impetus*), часто сбивал противника с толку: защищая своего приятеля, великий Гортензий не смог мне ответить; человек величайшей дерзости Катилина, будучи обвиняем мною в сенате, онемел; когда на частном, но большой важности процессе (*privata in causa magna et gravi*) Курион-отец стал было [мне] отвечать, то внезапно сел, заявив, что его отравой лишили

²¹ О Курионе Старшем и его отношениях с Цицероном – см.: *Tatum J.W. Cicero, the Elder Curio, and the Titinia Case // Mnemosyne. Vol. 44. Fasc. 3/4. 1991. P. 364-371.*

²² Мы уже касались данного сюжета в статье: *Кудрявцева Т.В. Магия и процессы по «veneni crimen» в афинской и римской судебной практике // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 11. СПб., 2012. С. 287-288.*

²³ Ю. Путчони датирует его 79 г. до н.э. (*Puccioni I. M. Tulli Ciceronis Orationum Deprecitarum Fragmenta. Florence: Arnoldo Mondadori, 1972. Roma, 1972. P. 132*). М. Александер приводит эту же датировку (под вопросом) в своем каталоге: *Alexander M.C. Trials in the late Roman Republic, 149 BC to 50 BC. Toronto; Buffalo; L., 1990. P. 68.*

²⁴ Скверную память Куриона Цицерон продолжает высмеивать и ниже – *Brut., 218.*

памяти (*subito adsedit, cum sibi venenis ereptam memoriam diceret*)» (Orat., 129). Судя по тону Цицерона, процесс против Титинии он, видимо, выиграл²⁵. Какую роль в этой победе сыграла внезапная немота Куриона, вынести нам едва ли удастся.

По совокупному утверждению Цицерона в обеих выше приведенных цитатах, его оппонент лишился дара речи по причине своей забывчивости, а также ошеломленный натиском своего *vis-a-vie*²⁶. Таким образом, версия Цицерона – вполне себе прагматическая и рациональная – объясняет фиаско Куриона его скверной памятью. Но была и другая версия случившегося на процессе Титинии, которую оратор также приводит: версия самого Куриона – иррационально-магическая, представляющая провал последнего следствием снадобий и колдовских чар, используемых обвиняемой. Конечно, Курион пытался оправдаться, но спасая своё лицо, он должен был найти достаточно убедительное объяснение, по крайней мере, для части своей аудитории. И хотя Цицерон иронизирует и над своим соперником, и над его объяснением, очевидно, что определенная часть римской публики была готова поверить в то, что магические заклинания могут связать язык, заставить замолчать, т.е. «уничтожить» речь судебного оратора. Магия не просто вторгается в пространство риторики, она сводит её на нет.

Находки латинских табличек с проклятиями показывают, что заявление Куриона не голословно²⁷: тяжущиеся, проживавшие в разных городах и провинциях Римской державы, прибегали к черной магии, как и их греческие собратья, дабы в момент судебного разбирательства лишить речи своих противников и их адвокатов. Так, в каталоге Одолляна²⁸ на латинских табличках из Италии и провинций, относящихся к судебной магии, находим такие пожелания²⁹: «чтобы не могли ни вещать, ни говорить, ни отвечать...» (№ 192 – ...*nec dari nec dicere possint*; № 220B, 7-8 – *loqui non*

²⁵ Это же мнение: *McDermott W.C.* Curio Pater and Cicero // *AJPh.* Vol. 93. 1972. P. 389, 395.

²⁶ Точка зрения Татума (*Tatum J.W.* Op. cit.), противопоставляющего эти два цicerоновских объяснения, не кажется нам убедительной: они не противоречат друг другу, а вполне дополняют.

²⁷ См.: *Tupet A.-M.* La magie dans la poésie latine: Des origines à la fin du règne d'Auguste Paris, 1976. P. 205.

²⁸ *Audollent A.* Defixionum tabellae quotquot innotuerunt tam in Graecis Orientis quam in totius Occidentis partibus praeter Atticas in corpore Inscriptionum Atticarum editas. Paris, 1904.

²⁹ Для настоящей статьи мы намеренно ограничились только латинскими табличками, которые можно отнести к судебной магии (иногда по косвенным признакам). Географически они распределяются следующим образом (номера даются по каталогу):

possint; № 221 – текст испорчен, но понятно, что «nec respondere nec loqui possi(n)t», ср. № 223А, 16-17); пожелание связать язык (№ 218 – *adligate linguas*). Последнее – часто в виде формулы «я связываю, обвязываю, повязываю, привязываю, завязываю etc.», повторение призвано было усилить магический эффект (№ 217, 4: *alligo deligo linguas*; 219А, 3-4 – *ligo obligo linguas*; ср. № 224, 303: *a[ll]igo coligo ligo* – в разных местах и сочетаниях). С помощью магии пытались лишить голоса, вызвать немоту у соперников по тяжбе (№ 220В, 1-2 – *sunt ibi mutos et metu plenos facias...*; ср. № 112, 17-18). Одна из табличек содержит необычную игру слов и ассоциаций: *facias illos mutuos muturungallos mutulos* (№ 219А, 8-10); риторические изыски и языковые изобретения (*muturungallus*) здесь – магическая манипуляция, дополнительная гарантия немоты противников. Другой продвинутый адепт черной магии, изготовивший табличку № 222, для большей надежности симпатической магии использует несчастного петуха: «У этого петуха заживо я вырвал и проткнул язык, пусть так же языки моих недругов против меня онемеют» (В, 1-5 – *huic gallo lingua vivo extorsi et defixi, sic inimicorum meorum linguas adversus me ommutescant...*).

То, что в заявлении Куриона о колдовстве, лишившем его дара речи, магическое воздействие было приписано именно женским чарам, – неудивительно. Образ женщины-колдуньи, знахарки-отравительницы к I в. до н.э. был уже почти штампом, в том числе литературным, будучи следствием всеобщей (мужской, разумеется) убежденности в зловещей власти ворожеи, присущей именно женскому полу³⁰. Колдунья использует не только заклинания, она обязательно варит свое отвратительное зелье – поэтому Курион и говорит о *veneficiis et cantionibus*. Пожалуй, самым ярким воплощением этой предубежденности и мужских страхов была Горациева Канидия (Ер., III; V; XVII; Sat., II, 1; II, 8), изготавливающая вместе с другими ведьмами приворотное зелье из различных жутких ингредиентов, включая печень и мозг замученного мальчика (Ног. Ер., V, 13-38). Что касается коварной Титинии, то она могла (в воображении Куриона и ему подобных, разумеется), взывая с помощью магии к богине молчания Таците, творить нечто подобное тому, что проделывает одна старая ведьма из «Фаст» Овидия:

Тут среди жен молодых многолетняя сидя старуха,
Таците служит немой, но не немая сама.
Ладан кладет под порог, тремя его пальцами взявши,

№ 93 – Реция; 98, 101 – Германия; 111, 112 – Галлия; 133, 134 (?) , 192, 209 – Италия; 213, 216-226, 303 – Африка.

³⁰ О «гендерном аспекте» в обвинениях в занятии магией см. нашу статью: *Кудрявцева Т.В.* Магия и процессы по «*veneni crimen*»... С. 281, 284-289.

Там, где мышонок прогрыз ход потаенный себе;
Темный вяжет свинец тройною заклятою ниткой
И у себя во рту вертит семь черных бобов;
Жарит потом на огне зашитую голову рыбки,
Что залепила смолой, медной иглой проколов³¹;
Льет вино, нашептав, а остаток его выпивают
Или сама, иль ее спутницы, больше сама.
«Мы оплели языки и рты враждебные крепко!» —
Старика так говорит пьяная, вон выходя.

(Fast., II, 571-582 – перевод с латинского Ф. А. Петровского)

Представление о том, что с помощью соответствующих чар и зелий можно было лишить языка соперника по тяжбе, судя по нашим источникам, было распространено и в последующие века. В середине II в. медик Гален, высмеивая всеобщую веру в силу заклинаний и магии, в качестве примера приводит как раз судебное проклятие: «...связать своих противников, чтобы они перед судом не могли и звука издать («...καταδῆσαι τοὺς ἀντιδίκους, ὡς μὴδὲν ἐπὶ τοῦ δικαστικοῦ δινηθῆναι φθέγγασθαι – Opera omnia, XII, p. 251/ ed. C.G. Kühn). Антиохийского ратора Либания (IV в.) не раз обвиняли в том, что он накладывает чары на своих конкурентов или соперников в суде, заставляя их говорить непонятное, забывать содержание речи и т.п. (Lib. Orat., I, 43, 71). Но и сам Либаний, по его словам, испытал на себе действие проклятия. В своей автобиографии он рассказывает, как однажды тяжело заболел и не мог ни есть, ни читать, ни писать, ни беседовать со своими учениками (Orat. I, 243-250). Врачи, чьи снадобья не помогали ему, в конце концов, от него отказались, заявив, что он вот-вот умрет. И тут кто-то нашел в комнате для занятий изуродованное тело хамелеона: голова лежала между задними ногами, одной из передних не было, а другая закрывала рот (Ibib., 249). После того как ящерицу выкинули, способность двигаться и говорить вернулась к ратору. Либаний описывает типичную «куклу вуду»: отсутствующая передняя конечность символизировала руку, которой оратор жестикулирует при произнесении речи³². В приведенном примере немота настигла Либания не в суде, а в стенах дома, но для нас представляет интерес то, что сей известный ритор и интеллектуал на полном серьезе воспринял магическое объяснение своего недуга, т.е. счел его следствием порчи и связующего проклятия³³. Впо-

³¹ 577-578: quodque pice adstrinxit, quod acu traiecit aena, obsutum maenae torret in igne caput

³² Bonner C. Witchcraft in the Lecture Room of Libanius // TAPhA. Vol. 66. 1932. P. 36-38; см. также: Faraone C. An Accusation of Magic... P. 153.

³³ Кудрявцева Т.В. Судебная магия в классической Греции. С. 54.

следствии, в речи «О снадобьях» (Περὶ τῶν φαρμάκων – XXXVIF) Либаний вернется к случившейся с ним истории, вспомнив о «чародеях, зельях, хамелеонах» (γόητας καὶ φάρμακα καὶ χαμαιλέοντας – 3), порассуждав о возможном злодее и посетовав на то, что недостаточно энергичные меры были предприняты для его поиска.

Кстати, судя по Плинию Старшему (ссылающемуся на Демокрита³⁴), хамелеоны часто использовались для изготовления амулетов и различной ворожбы. Из тех, порой весьма экзотических примеров³⁵, которые приводит римский ученый, к судебной магии имеет отношение следующий: язык, извлеченный ещё у живой ящерицы, обеспечивает благоприятный исход тяжбы в суде (linguam, si viventi exempta sit, ad iudiciorum eventus pollere) (Plin. NH, XXVIII, 27). Пояснений далее не следует, но мы можем предположить, что данная магическая манипуляция с языком хамелеона призвана была лишить языка противника по тяжбе, как в случае с петухом из приведенной выше табличке с проклятием (Audollent, 222).

Подводя итоги, заметим: по мнению античных авторов, воспроизводящих, по всей видимости, opinio communis, вид чар, которые вызывали немоту оппонента в суде, – это чаще всего типичное связующее проклятие (defixio), хорошо нам известное благодаря свинцовым табличкам, а также – некое зелье, в некоторых случаях – и «кукла вуду». Приведенные примеры «казуса Фукидида» из эллинистического и римского времени позволяют сделать вывод, что по прошествии нескольких веков с момента появления греческой судебной магии вера в её эффективность только ширилась. Более того, не только невежественная толпа, но и некоторая часть интеллектуальной элиты римского времени могла легко поверить в то, что неудачное выступление, косноязычие, внезапная немота являлись следствием связующего проклятия. Магии приписывали силу, способную лишать дара речи участников судебного процесса, т.е., по сути, «убивать» риторику.

Список использованной литературы

Гаспаров М.Л. Цицерон и античная риторика // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Под редакцией М. Л. Гаспарова. М.: Издательство «Наука», 1972. С. 7-73.

Кудрявцева Т.В. Судебная магия в классической Греции // Вестник РГГУ. 2010. № 10(53). С. 31-63.

³⁴ Считается, что Плиний ошибочно приписал авторство книги о магии философу из Абдер. См.: Bonner C. Witchcraft in the Lecture Room of Libanius. P. 39, n. 17.

³⁵ Типа: «хвост [хамелеона], смоченный кедром и мирром и привязанный к раздвоенной ветви пальмы, разбивает волну».

Кудрявцева Т.В. Магия и процессы по «veneni crimen» в афинской и римской судебной практике // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 11. СПб., 2012. С. 273-290.

Остин Дж. Избранное / Пер. с англ. Макеевой Л.Б., Руднева В.П. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.

Помяловский И.В. Эпиграфические этюды. СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1873.

Alexander M. C. Trials in the late Roman Republic, 149 BC to 50 BC. Toronto; Buffalo; L.: University of Toronto Press, 1990.

Audollent A. Defixionum tabellae quotquot innotuerunt tam in Graecis Orientis quam in totius Occidentis partibus praeter Atticas in corpore Inscriptionum Atticarum editas. Paris: In aedibus Alberti Fontemoing, 1904.

Austin J.L. How to Do Things With Words. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962.

Borthwick E.K. Aristophanes and the Trial of Thucydides Son of Melesias (“Acharnians” 717) // Phoenix. Vol. 54. 2000. P. 203-211.

Bonner C. Witchcraft in the Lecture Room of Libanius // TAPhA. Vol. 66. 1932. P. 34-44.

Christ M.R. The Litigious Athenian. Baltimore; L.: John Hopkins UP, 1998.

Engelmann H. The Delian Aretalogy of Serapis. Leiden: E J. Brill, 1975.

Faraone C. An Accusation of Magic in Classical Athens (Ar. Wasps 946-948) // TAPhA. Vol. 119. 1989. P. 149-160.

Hansen M.H. Eisangelia. The Sovereignty of the People’s Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians // OUCS. Vol. 5. 1975.

Harris W.V. Ancient Literacy. Cambridge, Mass.; L.: Harvard University Press, 1991.

Kirchner J. Prosopographia Attica. Vol. I. Berolini: Typis et impensis Georgii Reimeri, 1901.

Leeuwen J van. Prolegomena / Aristophanis Vespaе. Cum proleg. et comm. J. van Leeuwen. Lugduni: A. W. Sijthoff, 1893.

López Eire A. Rhetoric and Language // A Companion to Greek Rhetoric / Ed. I. Worthington. Oxf.: Blackwell Publishing Ltd, 2007. P. 336-349.

MacDowell D.M. Aristophanes Wasps. Oxf.: Clarendon Press, 1971.

McDermott W.C. Curio Pater and Cicero // AJPh. Vol. 93. 1972. P. 381-411.

Munz P. The Rhetoric of Rhetoric // Journal of the History of Ideas. Vol. 51, No. 1 (Jan. – Mar., 1990). P. 121-142.

Puccioni I. M. Tulli Ciceronis Orationum Deperditarum Fragmenta. Florence: Arnoldo Mondadori, 1972.

Romilly J. Magic and Rhetoric in Ancient Greece. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1975.

Tatum J.W. Cicero, the Elder Curio, and the Titinia Case // Mnemosyne. Vol. 44. 1991. P. 364-371.

Thomas R. Literacy and Orality in Ancient Greece. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Tupet A.-M. La magie dans la poésie latine: Des origines à la fin du règne d'Auguste
Paris: Les Belles Lettres, 1976.

Wade-Gery H.T. Thucydides Son of Melesias // JHS. Vol. 52. P. 205-227.
Defixionum Tabellae / Ed. R. Wunsch [=IG III³ Appendix]. Berlin, 1897.

